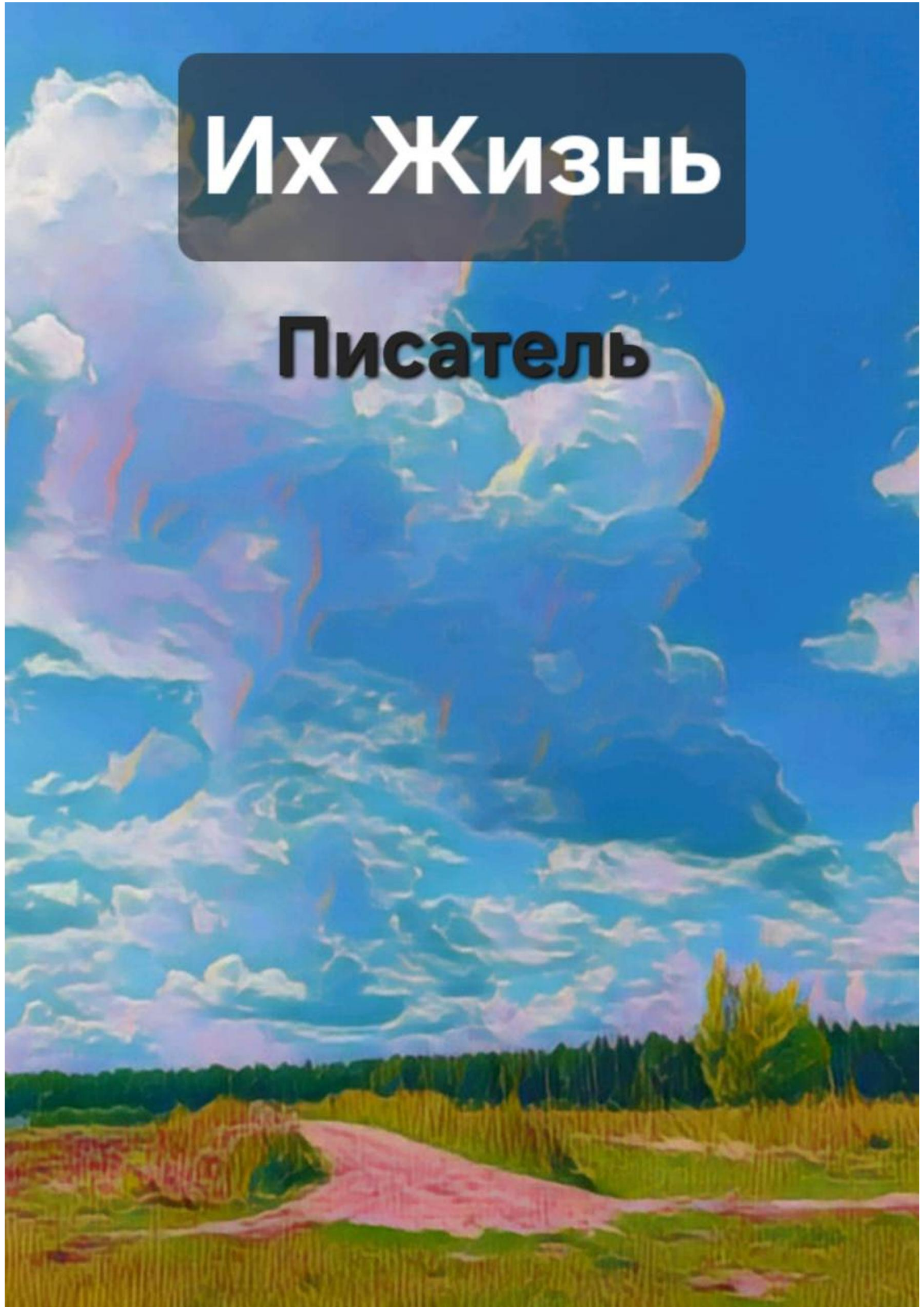

Их Жизнь

Писатель

Писатель Сейдж

Их жизнь

«Автор»

2026

Сейдж П.

Их жизнь / П. Сейдж — «Автор», 2026

Кто-то считает, что они живут многие миллиарды лет, кому-то кажется, что они когда-то ходили на четырех ногах, а кто-то верит, что у них всех один Создатель. Люди живы, и их жизнь полна смысла. Даже если они сами так не думают.

© Сейдж П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Я ТОНУЛ, ЧЕСТНОЕ СЛОВО!	5
АВТОБУС	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Писатель Сейдж

Их жизнь

Я ТОНУЛ, ЧЕСТНОЕ СЛОВО!

На дно тянуло с невероятной силой, как будто чья-то рука проломила грудную клетку, сжала в кулак легкие, а вместе с ними все внутренности, и тащила вниз. Вода заливалась через нос и рот с каждым новым вдохом, раздражая слизистую и разжигая настоящий пожар в носовых пазухах и glandaх. Мозг понимал, что руки должны двигаться и толкать тело вперед, но было страшно, очень страшно, и правая рука все царапала грудь в попытках извлечь оттуда воду. За ноги постоянно цеплялись водоросли и речная растительность, а волосы липли на глаза и обматывали раздувающуюся шею. Кажется, Тишка тонул.

— Давай поищем подальше, может ее течением унесло.

Найти пластиковый кристалл в речной воде было бы не таким сложным заданием, если бы он был, ну, хотя бы размером с кулак. Но кристалл был с фалангу пальца, а мозгов у Марины примерно столько же, поэтому пришлось потратить много сил. Сама Марина только имитировала активную деятельность, на деле же просто плескалась в зеленоватой воде и с интересом наблюдала за ныряющим Тишкой.

Спустя пятнадцать минут, мама Марины позвала ее есть персики, а Тишка решил остаться и доделать дело до конца.

Река, на которую родители привезли Тишку, и где он познакомился с тупоголовой Мариной, была, наверное, единственной более-менее чистым водоемом в округе. До ближайшего водохранилища ехать бы пришлось часа три, а река была относительно рядом, да еще и с ухоженным пляжем. Одной из ее приятных особенностей был мелкий заход в воду: взрослому человеку можно было дойти почти до середины реки, не намочив живот. Единственное, что не нравилось Тишке, — это отсутствие четкой границы между отмелью и глубиной.

— Могли бы палку поставить длинную: “Вот здесь уже глубоко!” - сказал Тишка папе.

— Сынок, дно смещается постоянно, это же вода. Там ничего не бывает статичным.

Тишка очень гордился тем, что в свои девять лет он уже знает, что значит слово “статичный”. Но идею с палкой он не оставил — просто отложил.

Итак, Марина доедала уже третий персик, а Тишка уже потихоньку посматривал на заросли камышей: вдруг там? Но лезть в скользкий ил как-то не особо хотелось, поэтому Тишка только вздохнул и поплыл дальше от берега. Он прошерстил уже все на расстоянии десяти метров, теперь предстояло проверить более темные участки. Вода была мутной, поэтому, ныряя, Тишка закрывал глаза и щупал дно руками — водолазные очки родители Тишки благополучно оставили в городе, взяв на дачу только нарукавники, которые Тишке уже давным-давно не нужны.

— Марина! Марина, иди сюда!

— Я еще не доела!

“Фу-ты, обжора” — подумал Тишка и поплыл дальше.

Когда он в очередной раз вынырнул на поверхность после неудачной попытки найти кристалл, берег оказался неожиданно далеко. Камыши остались позади, а стопы еле-еле касались дна. Мимо неспешно проплыл островок из тины и хвощей. Над головой зажужжало, и Тишка увидел огромную осу.

— А-а-а!

Оса села на мокрый затылок, и Тишка с криком скрылся под водой. Он извивался, как червяк, пытаясь согнать осу, руки в исступлении забарабанили по голове, ударяясь о водную гладь и запуская брызги в разные стороны. Тишка нырнул, потом опять вынырнул, — жужжание не утихало. Тогда он нырнул опять, и еще, и еще раз. Оса никак не хотела улетать. Тишка задержал дыхание, прижал колени к груди и медленно опустился на дно, чуть покачался в пространстве, а потом поплыл влево — насколько он помнил, именно там находился берег. Проплыл так где-то метров пять, Тишка, наконец, выплыл на поверхность. Жужжание прекратилось. Впереди был не берег.

— Эй, Мар!..

Ноги в панике задвигались, пытаясь нашарить дно, но лишь зацепились за водоросли. От неожиданности тело на секунду погрузилось глубже, и в распахнутый рот залилась вода. Тишка в отчаянии забился в речном потоке.

Берег обнаружился сзади, и он был очень, очень далеко. Родители Тишки с этого расстояния были не больше подсолнечного семечка, а Марину так и вовсе не было видно за полосатым шезлонгом. Тишка зашелся кашлем, изо всех сил пытаясь избавиться от воды в легких, но она как будто только еще больше устремлялась в широко открытый рот. Внезапно промелькнули слова отца о том, что во время плавания нужно дышать носом. Тишка вдохнул. В нос ударила жгучая боль, а горло наполнилось горькой цветущей водой. Ноги все еще пытались найти дно.

“Плыть, надо плыть!”

Тишка заработал руками, забултыхал ногами, но корпус никак не хотел подниматься. Грудную клетку сдавило и тянуло вниз, глаза заволокло влагой, берег был полностью размыт, в носу неимоверно жгло. Тишка изо всей мочи старался грести, но плыл мучительно медленно, а грудь все раздирало и раздирало.

“Мама!”

Голова никак не могла подняться выше, чем наполовину, поэтому Тишка максимально, насколько было возможно, запрокинул ее, чтобы рот и нос оставались над уровнем воды. Уши заложило, в них тоже стало заливать. В горле чувствовалась жуткая наполненность. Тишка смотрел на берег. Тишка не видел маму. Кажется, Тишка тонул.

“Мама!”

Ноги снова попытались встать. Дна не было. Уши полностью скрылись в воде. Руки потихоньку замедлялись, становясь все более деревянными. Не будь Тишка таким мокрым, он бы, наверное, заплакал.

“Папа!”

Дышать уже не получалось, и Тишка решил сделать вид, что это нормально. Что он просто играет в “Задержи дыхание”. Что сейчас он проплывет еще пару метров и потом вдохнет. Тишка перестал дышать.

Ноги согнулись в коленях и вытолкнули тело вперед.

Нос полностью погрузился в воду.

Руки вытянулись вперед и разошлись в стороны.

Рот не хотел закрываться, возможно, потому что до последнего надеялся получить кислород, а не жидкость.

Ноги толкают.

Руки гребут.

Тишка не дышит.

Вода в груди тяжелая.

Тишке больно.

“Мама!..”

Ноги.

Руки.

Тонем.

Воздух.

Рот.

Нос.

Нет.

Воздух.

Колени коснулись дна.

— Кха!.. Кр-ркгха!..

Вода лилась отовсюду: из ушей, из носа, даже из глаз. Тишка вскочил с колен, попятился назад, впился ногтями в грудь и дико, надсадно закашлял. Вдохнуть все еще не получалось, и Тишка принялся раскачиваться вперед-назад, в попытках освободиться от смертельной субстанции. Спустя несколько бесконечно долгих секунд Тишка смог сделать первый вдох.

— Тихон, ты кристалл мой нашел? Ау-у-у!

Марина стояла на песке с пачкой кукурузных палочек. Тишка дышал.

— Чего ты молчишь? Нашел?

Вода еще оставалась внутри, но это было уже не критично. Тишка все дышал и дышал, и не мог думать ни о чем, кроме этого. Воздух заполнял горло, трахею, легкие, тело. Тишка стоял в воде и дышал.

— Я обиделась! Не хочу больше с тобой играть, ты не отвечаешь! Ты нашел мой кристалл?

Тишка сделал шаг, еще один. Неспешно побрел к берегу. Тишка видно дно и дышал. Видел. И дышал. Это было хорошо.

— Ма-ам! Тихон меня обижает! Скажи ему, почему он молчит?

— Мариш, не бегай с едой, сядь и поешь нормально!

— Ну ма-а-ам!

Мама Тишки стояла у машины и разговаривала по телефону. Тишка держался за грудь.

— Мам. Я почти утонул.

— ...нет-нет, это вы все опять исковеркали... да, конечно... ну, вот опять! Я же вам сто раз уже говорила, что...

— Мам. Я думал, я умру совсем.

— ...зачем им ваши квитанции? Просто... Тихон, ты не видишь — я разговариваю! Иди поиграй, не мешай, пожалуйста!... Да, разумеется, а вы как думали?

— Мам, я правда чуть не утонул, честное слово!

— ...да, это... Тихон! Я кому сказала — не мешай! Имей совесть, а? Что за эгоист растет, Господи... А, нет, это я не вам!.. Ага, да тут просто сынок мой, никак вот не вырастет из этого самого... Ну, короче да, вот, я вам все напишу, а вы...

Папы не было на пляже.

— Твой папа в туалет наверное ушел, не переживай, скоро вернется! — сказала бабушка Марины и сняла с плеч мокрое полотенце. — Ох, пойду-ка я искупаюсь еще разочек, водичка-то какая хорошая!

Тишка зашел в реку по щиколотку и сел на корточки, провожая бабушку Марины спокойным взглядом. Бабушка добрела до линии камышей, легонько загребая руками, потом встряхнулась и с приглушенным “Ух!” занырнула. Тишка внимательно следил за ней, скребя кожу на коленках.

Бабушка доплыла до места, где на Тишку напала оса, а потом и до места, где он начал тонуть. Проплыв еще немного, бабушка перевернулась на спину, сделала последний гребок и встала. Вода едва доходила ей до плеч. Рост Тишки был бабушке по подбородок.

— Тихон, а ну подойди сюда! Ты разве не видел, что я разговаривала по телефону? Что опять у тебя случилось?

Тишка сидел на корточках смотрел на плавающую бабушку. Нет, все-таки, дышать было здорово. Было бы здорово, если бы кристалл съела какая-нибудь рыба. И подавилась.

АВТОБУС

Бывает так, что ты давно не смотрел фильм, помнишь сюжет и персонажей, но их внешность и детали видишь у себя в голове очень смутно, лишь очертания. Иногда ты даже сомневаешься, не приснилось ли все это тебе. Впоследствии, когда фильм все-таки пересмотрен, оказывается, что те картинки которые ты помнил, их силуэты, на самом деле совершенно другие. И когда ты сравниваешь то, что помнил, и то, что увидел, кажется, будто смотрел абсолютно другой фильм — ведь практически ничего не сходится.

Надеяться, что человек, которого ты не видел несколько лет, не изменится — очень наивно. Тот, образ кого ты хранил у себя в голове, и тот, в кого он превратился — двое разных людей. Ненавидеть человека за перемены — глупо и эгоистично. Ненавидеть себя за упущенное время — бессмысленно. Ненавидеть тех, кто поспособствовал этим изменениям — крайне идиотски. Пытаться вернуть все назад — лишь потратить силы на выполнение невозможного.

Уйти из жизни этого человека — вполне себе адекватное решение. Если не рассматривать вариант “не париться и жить дальше, продолжая общение на безопасной дистанции”.

— Девушка, вы за два места платили?

То ли алкоголик, то ли военный, то ли военный-алкоголик. Пахнет отвратно, рожа аналогичная.

— Нет, за одно.

— Тогда вещи свои возьмите и дайте сесть.

Битком набитый хозяйственный баул, шестикиллограммовый рюкзак, мешок с обувью, два больших пакета.

— Я не могу, тут... тяжелые...

— На колени поставьте, упакуйте, вниз, в ноги положите — давайте, давайте, думайте!

— Но они... э-э... я...

Баул я запихнула под сиденье, потревожив сидящую впереди пожилую даму. Ноги поставить было некуда.

— Я до завтра тут стоять буду?

Ноги приземлились на баул, рюкзак, мешок и пакеты упали на колени, балансируя в моих руках и перекрывая обзор. Мужик сел на соседнее место, обнимая свой плоский рюкзакишко, наверняка с двумя листами внутри. Чтoб у него геморрой на жопе вылез.

За окном снова начался дождь, решивший не ограничиваться утренним потопом. Пожилая дама впереди продолжала возиться в попытках вернуть испорченный мной комфорт. Как-то грустновато стало, даже исправно работающий интернет не придавал позитива.

Один из пакетов накренился и завалился мужику на колени. Он молча подтолкнул его обратно, вытирая тыльной стороной руки джинсу. Когда пакет успел намокнуть?

— Остановите на следующей!

Это не маршрутка, зачем просить остановку? Автобус ходит по расписанию, и останавливается там, где нужно. Какая глупость.

Левый наушник не работает, а правый слишком слабый, чтобы что-то услышать в гудящем салоне. Мобильный интернет быстро тратиться на просмотре Ютуба, игры надоели, никто мне не пишет уже полгода просто так, только если что-то от меня нужно. Дождь залил все стекло своими потоками. Конденсат оцепил нижнюю часть окна — и не порисуешь, грязи там немеренно.

В автобус зашли новые пассажиры. Знаете, всегда интересно рассматривать новичков: в междугородних автобусах за час с небольшим езды образуется своеобразное общество. Даже если члены этого общества ни словом за все время не обмолвились, обществом они быть не

перестают. Когда на остановке заходят новые люди, наблюдать за их адаптацией, манерой оплачивать проезд и держаться за поручни – да-да, кто-то предпочитает цепляться за горизонтальные, а кто-то тянется к потолку – становится немногим более приятнее ожидать конечной. Есть люди, которые встают напротив дверей, на место для колясок – и когда в автобус заезжает мама с коляской, кто-то уступает законное место, а кто-то игнорирует. Тоже интересно. А в особенности интересно угадывать, кто “уступающий”, а кто “игнорирующий”. Как показала статистика, ошибалась я чаще, чем отгадывала.

Грузная тетушка в пестрой юбке с ненормальным количеством бахромы зорко высматривала свободные места. Последнее свободное место было в заднице автобуса, как раз в самой тошнотворной точке – буквально тошнотворной. Дико завидую тем, кого не укачивает на последнем ряду.

– Дайте пройти, женщина! У меня сумки тяжелые!

– Не кричите, не кричите!

– Боренька, во-о-от, прикладывай карту, а перед выходом не забудь еще раз приложить.

– Нет, Павел Олегович, проект пока на стадии разработки, я к концу недели перешлю по почте все схемы...

– Песок ему в глаз попал, вот он и оступился... Да, Марина, дела...

Люди разговаривают, копошатся, балансируют, хватаются за поручни и одежду, думают, решают, осваиваются. Я и мужик сидим без дела: он с рюкзаком, а я с сумарями и раздвинутыми ногами на смятом бауле, левым коленом упираюсь в окно, коленка ледяная, а голень нет. Мне скучно.

– Так вы пройдете или нет?

Тетушка с бахромой смирилась с перспективой ехать в заднице автобуса и занесла ногу над ступенькой, чтобы пройти в конец салона. Мужик открыл крышку минералки.

– Мама, а дай телефон поиграть, я...

Автобус резко вырулил вправо. Послышался визг тормозов. Воду за окном потревожили.

– Мама!

По инерции тело выкинуло вперед, и я влетела лицом в пакеты. Тетушка упала навзничь, задев плечами стоявших людей — хотя, те тоже оказались не особо устойчивы. Минералка выплеснулась из бутылки на мои пакеты. Мужик врезался носом в спинку сиденья.

– А-а-а!

Автобус остановился, слегка накренившись вправо. Снаружи слышался грохот. Я держала свои пакеты, рюкзак и мешок в руках и смотрела на лицо тетушки – она как будто плакала, хотя еще не до конца осознавала, что с ней произошло. Колено немного болело, застряв между стенкой и сиденьем с пожилой дамой. Странный день какой-то выходит, честное слово.

– Твою мать! - выругался мужик, потирая ушибленное лицо. Бутылка полетела вниз, теряясь в темноте под сиденьями. Мокрые пакеты, мокрый рюкзак, мокрые джинсы. Его, мои. Тетушка изо всех сил пыталась встать.

– Я помогу, сейчас!

– Поднимите ее!

Люди взяли тетушку за плечи и помогли подняться. Она смогла стоять на ногах – по моему, ничего лучше уже за сегодня с ней не случится.

Мужик вскочил и понесся выламывать дверь. Как будто его тут собирались запереть.

– Эй, водила, двери открой!

Дождь не прекращался.

– Двери открой нахрен!

Водитель что-то ответил, но его было плохо слышно отсюда. Как бы отсюда вылезти — вот это вопрос века.

Двери открыли, и народ повалил на улицу. Я переставила все вещи обратно на соседнее сиденье и принялась выталкивать баул. Пожилая дама спереди противно визжала и раскачивала сиденье, прижимая мне пальцы. Баул никак не хотел покидать уютное местечко на полу.

— Мама, мы умрем?

— Чушь не неси, доставай зонтик!

Хотелось бы услышать сейчас “девушка, вам помочь?” от кого-нибудь, но, к сожалению, выволакивать свои сумари из автобуса пришлось в одиночку. Рюкзак на плечи, мешок туда же, пакеты в руку, баул в другую и подталкивать ногой. Проще простого, мгом.

На облезшей остановке с дырявой скамейкой сбились в кучку все пассажиры, кроя матом российский автопром, ну и погоду за компанию. Места под навесом нашлось только для утрамбованного ранее баула, а зонтик я не ношу с собой чисто из принципа, поэтому вещички удобно разместились сверху, оставляя меня созерцать вредную стихию, спутницу всех совпадений, свиданий, мелодрамных расставаний и неудач.

— Шина спустилась, и вот!

— Да там врезались в него.

— Где здесь вмятина, Галь? Не смейся, с такой скоростью...

— Ма-ам, я кушать хочу!

Автобус печально стоял с дверями нараспашку, смиренно наблюдая за своим водителем, который наворачивал вокруг бедняги уже третий круг. Видимо, придется ждать.

— Когда там следующий приедет? Мне еще в офис забежать нужно!

— Ты видишь здесь магазин, Боря? Терпи до дома, там поедем.

— Вам точно скорая не нужна? Вы уверены?

Тетушка была вполне себе живой, и, вероятно, даже не сильно травмированной, судя по ее агрессивной физиономии. Какая-то девушка держала ее за локоть и беспокойно спрашивала о самочувствии, в то время, как сама тетушка делала отчаянные попытки наброситься на водителя.

Мои волосы насквозь промокли, неприятно облепив щеки и залезши в глаза. Нос замерз, руки потеряли чувствительность — даже в салоне они так и не отогрелись после пятичасовой прогулки.

— И че теперь делать?

Снять штаны и бегать, мой бесячий незнакомец. Пакет упал в лужу.

— Вон, маршрутка! Бегом, бегом!

Я надела рюкзак и мешок с обувью, схватила пакеты, принялась толкать баул. На половине пути взглянула на маршрутку: она была уже заполнена. Баул плюхнулся на землю.

— Совсем места нет, да?

Наверное, это был риторический вопрос, поскольку незнакомая женщина не смотрела на меня. Она шурилась от падавшей с неба воды, провожая уезжавшую маршрутку. Моя кофта тоже прилипла к телу.

Водитель залез в автобус, и его верхняя часть скрылась за коробкой передач, ныряя в нишу с педалями. Да, день странный, плачущий. Но мне плакать не хотелось, почему-то. Обычно я рыдаю по пустякам, а сейчас...

— Заходим обратно!

— В смысле?

— Обратно заходим, поедем!

Люди, подобно мышам, зашевелили носами, принохиваясь к словам водителя, проверяя их на вшивость — и стали выползать из под навеса. Как же лень двигаться.

— Даже не спросил, все ли целы!

— Машина сломана, а он — поедем! А если вдруг опять?

— Мама-а, а мы опять разобьемся?

— Вам помочь?

Думала, мне — но нет. Тетушка злобно отмахнулась от студентика и потопала к автобусу. Мужик недовоенный потерялся, я не смогла его разглядеть — наверное, ушел от греха подальше. Рюкзак, мешок, пакеты...

— Я проезд оплачивать не буду! Хотя какая-то компенсация должна быть!

— Боря, терпи! Нет, конфету ты не получишь!

Я села на то же место, в левом ряду, только вот вместо пожилой дамы впереди сел студентик. Автобус тронулся.

Может, мне тоже следует впустить в себя изменения. Я люблю этот образ, но... он может быть другим. Нет, конечно, я не собираюсь садиться в маршрутку — я останусь в том же автобусе, просто доеду до конечной... другой.

Дождь будет лить бесконечно, с перерывами на солнце. И я буду наслаждаться Солнцем в перерывах и помнить о нем в дождь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.